

Черновики
судьбы,

ИЛИ

Письма Незнакомки

Ярославль, 2007

Департамент культуры и туризма Ярославской области

Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

серия «Ярославские женщины в истории культуры»
выпуск 6

Черновики судьбы,
ИЛИ
Письма Незнакомки

*переписка ярославских женщин
в художественной литературе*

Ярославль
2007

Черновики судьбы, или Письма Незнакомки: переписка ярославских женщин в художественной литературе / авт.- сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Обл. юнош. б-ка им. А. А. Суркова», науч.-методич отд. – Ярославль, 2007. – 19 с. – (Ярославские женщины в истории культуры).

© ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека
им. А. А. Суркова», 2007

БИБЛИОТЕКАРЮ

Предлагаем вашему вниманию шестой выпуск методических материалов из цикла «Ярославские женщины в истории культуры», посвященный возвращению интереса к многосторонности человеческого общения, в том числе в эпистолярной форме.

Красивый и правильный русский язык стал сейчас большой редкостью, он упрощается, а вместе с ним чувства и душевные движения. Телефонная связь почти заменила в наши дни личную переписку, но ведь с помощью устной речи «наиболее тонкие оттенки мысли оказываются невыраженными – не переданными собеседнику и более того – не уясненными и себе самому.

...Вторым следствием пренебрежения к письменной форме речи является пренебрежение к каким-то сторонам собственной духовной жизни. Обращаясь к письменной форме, мы не только овладеваем богатствами родного языка, но и учимся размышлять».¹

Не говоря уже о том, что учимся чувствовать, благодаря остановленным для нас вечно живым «прекрасным мгновениям». И потому совершенно не случайно по Указу Президента России Владимира Путина 2007 год объявлен Годом русского языка, а XI Конференция РБА объявила его Национальным годом чтения.

Данный методический материал включает в себя литературно-музыкальный вечер «Черновики судьбы, или Письма Незнакомки», рассказывающий о влиянии личной переписки на историю создания двух романов – «Обломов» (1855) Ивана Гончарова и «Прах невестребованный» (1993) Бориса Васильева. Для ведения вечера необходимы Ведущий и Чтец, желательно наличие предметов и документов, указанное в ремарках, а также музыкальное сопровождение: фортепианная пьеса Ференца Листа «Грезы любви» и «Революционный этюд» (12 этюд опус 25) Фредерика Шопена.

¹ Чудакова М.О. Беседы об архивах / М. Чудакова. – 2 изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 1980. – С. 127.

Текст вечера можно использовать и как две самостоятельные композиции, сопровождающие выставки и презентации книг.

Черновики судьбы, или Письма Незнакомки

(переписка ярославских женщин в художественной литературе)

Ведущий.

Что может быть интереснее и поучительнее человеческой жизни? Самое трогательное в книгах, самое любимое в них – когда читатель подозревает, что за буйством фантазии автора скрываются подлинные факты, подлинные движения души. И более того, сила воздействия книги на читателя зависит от этих тайных потрясений писателя, а, значит, пытаться понять первопричину вдохновения – не пустое дело. Два романа, о которых пойдет речь, объединяет незримое присутствие Незнакомки, Ярославны, без которой каждый из этих романов просто бы не состоялся: Елизаветы Васильевны Мусиной-Пушкиной в романе Гончарова «Обломов» и ещё одной реальной женщины, героини романа Бориса Васильева «Прах невестребованный».

На столике – роман И.А. Гончарова «Обломов».

*Рядом – портрет Е.В. Толстой кисти академика живописи
Н.А. Майкова¹, свеча в подсвечнике, связка старых писем
и старинный альбом. Звучат «Грезы любви» Листа.*

Чтец *(Зажигает свечу, развязывает ленточку, бережно перебирает письма, и, обнаружив одно из них открытым, начинает читать. Музыка стихает.)*

А теперь прощайте... мой чудесный друг, моя милая, умная, добрая, обворожительная... Лиза!!! Вдруг сорвалось с языка. Я с ужасом оглядываюсь, нет ли кого кругом, и почтительно прибавляю: прощайте, Елизавета Васильевна: Бог да благословит Вас счастьем, какого Вы заслуживаете. Я, в умилении сердца, благодарю Вас за Вашу дружбу, которая греет меня, старика. Опять нельзя сказать, что глупо письмо? А глупо. Я начал за

¹ Лощиц Ю.М. Гончаров: [биография] / Ю.М. Лощиц. – 3-е изд. – М. Молодая гвардия, 2004. – 393 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биограф.; 1026 (826)).

здравие, а свел за упокой. – Вы же виноваты. Вы думаете, что я шучу, так от того и весел: да, я шутил подчас, когда в сердце были ужас и смятение: на морях в ураган перед ожиданием смерти, бледнел и шутил: шутка – моя стихия... Прощайте же...только с большой тоской, не теперь, однако ж, а когда будете выходить замуж, или перед смертью моей или Вашей...»¹

3 ноября 1855 года

Ведущий.

Это были строки прощального письма Ивана Андреевича Гончарова Елизавете Васильевне Толстой (в замужестве Мусиной-Пушкиной).

Но разве письмо любви может быть прощальным? Оно – достояние вечности. Через два года, летом 1857 года, за три месяца совершится «мариенбаденское чудо» – напишется знаменитый роман «Обломов», где Ольга Ильинская – она, Елизавета Васильевна Толстая.

Гончаров переплавил свою страстную тайну в вечное произведение, а сам остался в нашем восприятии апатичным, суховатым, несколько равнодушным, как бы оправдывающим известные слова Ф.М. Достоевского о нем, как о человеке «с душой чиновника и с глазами вареной рыбы, которого Бог будто бы на смех одарил блестящим талантом».²

«С душой чиновника» – автор «Фрегата Паллады»? «С глазами вареной рыбы» – создатель Ольги Ильинской? Как же была права Елизавета Васильевна, когда не уничтожила письма Гончарова. А он просил об этом всех своих знакомых, и многие

¹ Здесь и далее факты и тексты писем И.А. Гончарова даны по исследованию: Мельник В. «...Благословляю судьбу, что встретил её...» (Елизавета Толстая в жизни автора «Обломова») /В. Мельник, Т. Мельник // Волга. – 1996. - № 5-6. – С. 149 – 156.

² Из письма Ф.М. Достоевского А.Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г.

пошли ему навстречу. Но только не Лиза. И тем сохранила для нас живой, настоящий облик писателя, достойный уважения, подлинного интереса и сочувствия.

Кто же она, Лиза Толстая, прекрасная муза Гончарова? Её отец – симбирский помещик Василий Александрович Толстой, мать из Ярославской губернии – Варвара Александровна (урожденная Мусина-Пушкина). С Мусиными-Пушкиными Толстые породнились в седьмом поколении. Сама Елизавета Васильевна родилась 31 января 1827 года, и первое упоминание о 15-летней Лизе принадлежит перу модного в те времена поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова. В конце длинного посвящения «В альбом Варвары Александровны Толстой во время сборов на морские купанья в Финляндии» мы читаем:

*(Ведущий берет старинный альбом со столика
и передает Чтецу. Тот открывает альбом и читает.)*

Чтец.

Все блага вам, для нас лишь горе!
Пред вами все: свобода, море,
Плеск волн, изгибы берегов,
Природы царственная риза,
Краса приморских цветников,
И с вами – лучший из цветов –
Очаровательная Лиза!

1842 года июня 11 дня

Ведущий.

И в этом же альбоме – февральская запись 1843 года, сделанная уже знакомым нам по письму, с которого мы начали рассказ, почерком:

Чтец.

«Один знаменитый поэт оставил нам на память вдохновенные строки перед отъездом своим в дальние края; другой тем же напутствовал Ваше кратковременное удаление отсюда, и все поэзия! И весь альбом дышит ею: сколько стрел, амуров, сердец, всё следы побед, трофеи юности! Что сказать

мне? и чем же? Прозой! Но ведь поэзия – вымысел! А проза, хотя язык скудный, но язык действительности, следовательно, правды. Позвольте же мне этим языком выразить – и сожаление о Вашем удалении от нас, и благодарность за дорогие минуты Вашего пребывания здесь, и желание Вам светлой и безмятежной будущности».

Ведущий.

Гончаров и Лиза Толстая впервые встретились в доме¹ академика живописи Николая Аполлоновича Майкова, где Гончаров был учителем его детей. Впоследствии сыновья Майковых стали известными в литературе людьми: Аполлон – поэтом, Валериан – талантливым критиком (его жизнь очень рано оборвалась), Леонид – академиком словесности (*демонстрируются вынутые из альбома портреты Майковых*).

Гончаров стал душой литературного салона Майковых, задушевым другом семьи. И, конечно, он участвовал в новогоднем празднике 1843 года у Майковых, о котором один из участников (В.А. Солоницын) пишет:

Чтец.

«Были Толстые, Юлия, все наши мужчины и Наталья Александровна с пепиньерками² <...> Потом было лакомство, чай <...> Я сидел за другим столом и, оградив, себя с одной стороны Валерьяном от юных прелестей Лизы Толстой, а с другой Гончаровым от двусмысленных глазок Челаевой <...>»

Ведущий.

Челаева – одна из воспитанниц Екатерининского института, по которой Гончаров демонстративно «вздыхал» в это время, не

¹ Изображение дома Майковых на Садовой и портреты Майковых можно найти в книге: Лощиц Ю.М. Гончаров: [биография] / Ю.М. Лощиц. – 3-е изд. – М. Молодая гвардия, 2004. – 393 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биограф; 1026 (826)).

² Пепиньерки – учащиеся пепиньерского класса в Смольном и других институтах благородных девиц из лучших и беднейших воспитанниц, по окончании курса становившиеся гувернантками и учительницами в частных домах с обязанностью прослужить не менее двух лет.

забыв отметить и очарование Лизы, как это видно по записи в альбоме. Обычный несерьезный флирт с 16-летними девушками со стороны человека на 15 лет старше их. Но совсем иное дело, когда прошли годы, и уже известный писатель, автор «Обыкновенной истории», участник кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», как бы заново встречает в августе 1855 года у тех же Майковых взрослую, прекрасную, уверенную в себе женщину, какой стала Лиза Толстая. Как он писал ей когда-то: «Поэзия – вымысел»? А что же как не поэзия настоящее, опасное чувство, забирающее всего человека, терзающее, как болезнь?

Первые записи носят шутливый характер, через каждое слово «не угодно ли», «не позволите ли», «не прикажете ли». Но от записки к записке, от письма к письму он все более серьезен, все менее способен к шутке, хотя и старается прикрыть это, благо, что литератор. Он все более и более страдает. Все яснее, что чувство остается без ответа.

Сначала он спрашивает позволения проводить, принести китайский альбом, выполняет мелкие поручения, которые сам же выпрашивает. Не теряет надежды, шуточно употребляет слово «старый»: «пощадите стариков», «самый старейший из ваших почитателей». А вдруг да и получит в ответ: «Да какой же вы, Иван Александрович, старик?» Но – увы! Молчит Лиза, ничего не говорит. В конце октября он признается:

Чтец.

«Я болен ею... то кажется, что я стою в страшной темноте на краю пропасти, кругом туман, то вдруг озарит меня свет и блеск её глаз и лица. – И я как будто поднимаюсь до облаков...»

Ведущий.

Но возраст, возраст!... чувство вины перед её молодостью...

Чтец.

«Вдруг сказать ей: я люблю! Что так хорошо звучит в устах молодости, то в моем голосе задребезжало бы дико...»

Ведущий.

Вместо этого он пишет специально для неё эпистолярное произведение «Pour и contre» - для неё и о ней, в котором герой важно рассуждает:

Чтец.

«Но у ней есть тонкий такт и ум: ведь она не отупела же умственно в деревне, а развивалась головой, шла вперед: отчего же остался такой пробел в нравственном её воспитании <...> Оттого, может быть, что она слишком хороша собой, а поклонники слишком искательны, настойчивы, живы, любезны, кладут к её ногам всё: она нет-нет да наконец и сжалится. Если б она рано вышла замуж за порядочного человека, с головой и сердцем, он бы, конечно, твердой рукой повел её к назначению и она была бы безукоризненной женой, а может быть, и идеалом жен. А теперь она <...> наружно усвоила себе вид гордого спокойствия, а за этим, за недостатком серьезного содержания и интересов жизни, кроется тоже мелочное стремление нравиться всем, выражаемое более или менее тонко и умно...»

Ведущий.

Ах, ревность, которая рядится в одежды мудрости! Лиза – любит. Она любит своего кузена, графа Александра Илларионовича Мусина-Пушкина, – ротмистра, то есть офицера кавалерии, на четыре года моложе себя. Отсюда убийственная ирония Гончарова по поводу записей в её дневнике, который она давала ему читать как другу.

Чтец.

«Вы всё обращаетесь к внешней его стороне, едва вскользь упоминая об уме, душе, etc., а то все «красивая поза», «опершись на руку» – да тут же непременно и «конь». Я все думал, что у Вас это должно быть полнее».

Ведущий.

И тем не менее именно Гончаров по просьбе Елизаветы Васильевны хлопочет перед Священным Синодом о разрешении её брака с двоюродным братом. Свадьбу сыграли 25 января 1857 года, а через несколько лет, в возрасте чуть более тридцати, Александр Илларионович скончался, то есть прожили

влюбленные вместе всего шесть или восемь лет. Оба их сына, Семен и Георгий (Юрий) родились в родовом имении Мусиных-Пушкиных Часково Мологского уезда Ярославской губернии. И именно сыну Семену, известнейшему ярославскому земскому деятелю, библиофилу и коллекционеру, передаст Елизавета Васильевна как самую ценную семейную реликвию письма И.А. Гончарова. Тридцать два письма Гончарова – ярко вспыхнувший роман, исполненный зрелой страсти, душевной красоты и благородства.

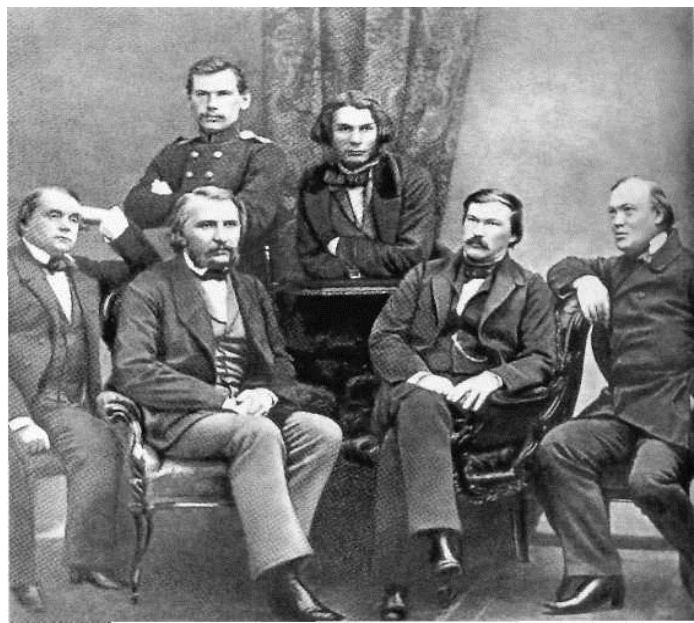
Известно одно письмо Гончарова к Мусину-Пушкину, написанное за три месяца до свадьбы Лизы, где Гончаров пишет жениху о своем поклонении её «красоте, уму и прочим достоинствам» как естественном для литератора, человека искусства.

Так он пытается сохранить память о себе в этой семье.

Чтец.

«Вот портрет Елизаветы Васильевны, который я взял у Левицкого уже после её отъезда. Извините, милостивый государь Александр Илларионович, что я не предложил Вам другого портрета, сделанного Левицким же по указанию Николая Аполлоновича». *(Берет в руки со столика и показывает слушателям портрет Е.В. Толстой работы Н.А. Майкова.)*

Кроме сходства с оригиналом, он представляет ещё идеал общей женской красоты: так искусно Николай Аполлонович уловил самую поэтическую сторону этой красоты. Если Вы позволите, я сохраню этот портрет у себя и буду поклоняться ему артистически. *(Ставит портрет на столик и достает из альбома фотографию.)* Покорнейше прошу передать Елизавете

Васильевне прилагаемую фотографию с группы литераторов, в том числе и меня».

Ведущий

(демонстрирует фотографию).

На фотографии, кроме самого И.А. Гончарова, сидят: И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, А.Н. Островский; стоят: Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович.

Чтец.

«Авось в обществе моих пяти товарищей Елизавета Васильевна сохранит память и обо мне, одном из самых ревностных ценителей её красоты, ума и прочих достоинств».

Ведущий.

Высокая поэзия прощальных писем Гончарова Лизе сродни пушкинской. Помните?

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Чтец.

«Прощайте, Елизавета Васильевна: Бог да благословит Вас счастьем, какого вы заслуживаете. Я, в умилении сердца, благодарю Вас за Вашу дружбу, которая греет меня, старика».

Звучат «Грезы любви» Листа.

Ведущий.

Вот благодаря
какой женщине
родилось лучшее
произведение
Гончарова – роман
«Обломов». И ещё.
Любимейшее
живописное полотно

Ивана Александровича – «Сикстинская мадонна» Рафаэля из Дрезденской картинной галереи, где Гончаров бывал неоднократно. Но взгляните в лик Мадонны – и вы увидите, что его черты поразительно напоминают другие... Это глаза Лизы Толстой с портрета Н.А. Майкова – портрета, сохраненного Гончаровым для себя. Любовь и красота снова и снова возвращаются в мир, не давая ему пропасть.

И об этом ещё одно произведение – уже наших дней – роман в письмах и фактах Бориса Васильева «Прах невестребованный».

*(На выставке – карта Ярославля начала XX века
из книги Т.А. Рутман «Храмы и святыни Ярославля»,
где наряду со старыми названиями улиц даны современные;
второй том из собрания сочинений Б.Васильева в 8 томах,
фотография разрушенного Ярославля (1918 года).
На столике – вязаная скатерть, цветы, альбом,
коробка из-под печенья или конфет, заполненная письмами).*

Звучит «Революционный этюд» (12 этюд, оп. 25) Ф. Шопена.

Ведущий.

Слово писателю Борису Васильеву.¹

Чтец (Берет с выставки книгу и читает.)

Вместе с режиссером Иосифом Ефимовичем Хейфицем я писал сценарий фильма «Подсудимый» в Доме Творчества Союза Кинематографистов в Москве. На прогулки мне оставалось лишь время до завтрака. Я гулял по соседним улицам и переулкам.

Так вот в то утро я добрел до серого холодного Дома Престарелых в момент, когда из распахнутого окна 3-го этажа летели во двор кофты и книги, тряпки и пустые коробки, старые вещи и старые безделушки, которые дороги только тому, кому что-то напоминают, для кого что-то хранят, а когда этот

¹ Здесь и далее текст, принадлежащий Б.Васильеву, дается в сокращении по изданию: Васильев Б.Л. Прах невестребованный. Роман в письмах и фактах /Б.Л. Васильев. Собр. соч. в 8 т.: Т. 2 – Смоленск, 1991. – С. 427 – 495.

«кто-то» уходит, оказываются ненужным хламом, поскольку не содержат в себе никакой абсолютной ценности. С горечью и печалью глядел я на этот способ избавления от собственной истории, столь характерный для нашего образа жизни «только раз»..., а потом, набравшись смелости, прошел в чахлое подобие садика.

- Преставилась, – тихо сообщила одна из старушек.
- А почему вещи выбрасывают?
- Наследников нет, – пояснил ветеран в шляпе.
- Можно посмотреть?
- Смотри, пока дворника нет. Это теперь его. Сортирует, что куда.

Я прошел к жалкой кучке разлетевшихся старушечьих вещей и вещиц, и первой попалась на глаза красная картонная коробка от довоенного печенья фабрики «Рот-Фронт», перетянутая резинкой. Я поднял ее, сдвинул резинку: там лежали пожелтевшие письма.

- Дворник!.. – отчаянно зашептала какая-то старушка.

Сунув коробку под куртку, я успел выйти за ограду. А после ужина не пошел в кинозал и почти до рассвета читал старые письма.

Ведущий.

Первое письмо было подписано «Федра» и заканчивалось фразой «Ах, как мне хочется видеть Вас всегда!».

Письма с фронтов I Мировой войны! Они заинтриговывали, в них была тайна, судьба, любовь... Некоторые из них были вложены в конверты с адресом: «Ярославль, угол Петропавловской и Ильинской, собст. ц. Ея Превосходительству Варваре Николаевне Гвоздаревой. Из действующей армии». Последним лежало неотправленное письмо самой Варвары Николаевны, объясняющее причину разрыва. Этой причиной стала не столько физическая измена любимого, сколько то, что он ни словом не обмолвился об этом случае в письмах. Гордая девушка не смогла простить обнаружившуюся ложь и оборвала переписку в марте 1917 года.

Но каким образом оказались эти письма в Москве через 70 лет после того, как были написаны? Кто умер в Доме престарелых: их таинственный адресат или какая-то подруга, родственница?

Писатель не смог уйти от магии этой судьбы и через несколько месяцев переступил порог памятного Дома. Странно: среди фамилий умерших в апреле не было тех, что встречались в письмах. Новая заведующая отправила к дворнику, Шугаеву Алексею Андреевичу, живущему при Доме со дня его основания.

И неожиданно оказалось, что владелица писем, московская учительница Ольга Ивановна Нежилова, была самым близким ему человеком.

Это он, узнав, что она любит играть на фортепиано, договорился в Доме творчества, чтобы её пустили к роялю. И сыграла она так, что вызвала овацию. Жаль, что из гордости больше туда не пошла.

Он не отдал её тело патологоанатомам, пригрозив врачам мезтью человека, способного на все, и за серебряные часы организовал её отпевание в церкви, чуть не вылетев за это с работы.

Вот только урну с прахом Шугаеву не отдали – не родственник. Невостребованным такой прах называется. Невостребованный прах.

Чтец.

– Вы любили ее, Алексей Андреевич?

– Любил? – Тихо переспросил он. – Любил, конечно, хоть и не было во мне этого вопроса. Очень любил. Хоть и странно это, конечно.

– Что же здесь странного?

– Что странного? А то, что в матери она мне годилась. – Он заметил мой растерянный взгляд, усмехнулся невесело. – Я в двадцать шесть постарел. Сразу и навсегда. В лагерь стариком приехал, так стариком меня там и звали. И зеки, и охрана. А мне только-только двадцать семь тогда исполнилось. – Он вздохнул, помолчал. – Налей, писатель, по глоточку. Помянем. Дочек

моих помянем. Тamarочку и Ирочку. Одной – три месяца, другой – три годика. И маму их, Валюшу. Жену мою.

Ведущий.

И последовал страшный рассказ. О том, как подполковник Шугаев – ленинградец, потерявший в блокаду всю семью, – после тяжелого ранения оказался в Ашхабаде, служил там, женился на медсестре. О страшном ашхабадском землетрясении 1948 года¹, разрушительность которого была засекречена, узнал от людей, в командировке. Пытался пробиться в город, чтобы самому отыскать и похоронить жену и детей, но был арестован как паникер и провокатор. Ведь было официально объявлено, что «жертв и разрушений нет». Получил 10 лет лагерей. После освобождения окольными путями – находиться в столицах ему было запрещено – пробрался в Ашхабад, а там – новые улицы, проспекты, дома...

В горсовете, где он пытался найти следы близких, был снова арестован. Снова били, допрашивали: кто послал, с какой целью, потом вместе с зеками увезли в Сибирь и выбросили на какой-то станции. Но Шугаев уже знал все: нет могил, город расчищали бульдозерами.

Его вынули из петли, откачали, и только фронтовой друг в Подмосковье не дал ему совсем погибнуть. После смерти друга Шугаев и устроился на работу дворником Дома престарелых.

Чтец.

– А как-то ранним утром подметаю двор, и вдруг – голос: «Позвольте, я помогать вам буду. А то тоскливо очень». Оглянулся: она. Ольга Ивановна моя...

Он замолчал, а я достал бутылку и разлил остатки. Он выпил сразу, вроде бы и не глотая: просто вылил в себя. Прохрипел:

– Уходи. И не приходи больше. Хватит. Но только одно. Только одно: не пиши о нас. Не пиши. Забудь всё.

¹ Землетрясение в Ашхабаде произошло в ночь с 5 на 6 ноября 1948 года. Погибло около 35000 человек (каждый четвертый житель города), из них 18000 детей; разрушено или повреждено 98,2% жилых строений.

Ведущий.

Писатель уходит, оставив Шугаеву оригиналы писем, но забыть эту историю не может, ведь письма так и остались загадкой: каким образом Варвара Николаевна Гвоздарева превратилась в Ольгу Ивановну Нежилову?

Чтец.

И помыкавшись неделю, поехал в Ярославль. Не столько в надежде узнать что-либо, сколько просто взглянуть на дом, в который Федра писал из Действующей армии чуть ли не каждый день.

Никакого дома я не нашел. Все изменилось за это время...

Ведущий.

Не мудрено. Центр города во время мятежа 1918 года был разрушен полностью. Другие здания стояли на этом месте.¹ В музее истории города Ярославля о Гвоздаревых ничего не знали, в Областном архиве потребовали разрешение КГБ. И только в одной из городских библиотек, поделившись своей печалью с доброжелательной библиотекарьшей, писатель неожиданно вышел на след своей героини.

Дочь подруги бывшей заведующей библиотекой оказалась... внучкой Ольги Ивановны Нежиловой, а сама Ольга Ивановна была горничной и поверенной сердечных тайн Варвары Гвоздаревой. После подавления эсеровского мятежа в июле 1918 года ночью в их доме неожиданно появился автор тех самых писем, Крюков, теперь – командир полка Красной армии. Он предупредил Варвару, дочь генерала, о неизбежном аресте и предложил посадить её на московский поезд – без вещей, чтобы не привлекать внимания. Горничная Оля отдала Варваре свой паспорт, и та уехала, взяв с собой самое дорогое – письма.

Через час Ольгу арестовали как Варвару Гвоздареву, ведь у неё не было документов; правда, через сутки выпустили,

¹ Угол бывших Малой Петропавловской и Ильинской улиц ныне перекресток ул. Победы и Советской улицы, там расположен Дом моды (см. позиции 6 и 7 в списке литературы к вечеру).

разрешив забрать из генеральского дома свои вещи. Она взяла и забытые в спешке Варварой фотографии, спрятала их, сохранила, несмотря на последовавший через десять лет арест её и мужа. Дочь Ольги попала в Детский дом детей врагов народа, а сама Ольга вернулась и нашла свою дочь только в 1958 году. Спрятанные фотографии перед смертью оставила внучке.

Чтец.

И вот я вглядываюсь в Варвару Николаевну Гвоздареву. Мягкое, округлое лицо с широко расставленными большими глазами, чуть прикрытое невесомой вуалеткой шляпки с меховым султаном. Из-под шляпки выглядывают толстые, старательно заплетенные косы, полные губы застыли в полуулыбке, образовав в уголках губ еле заметные ямочки.

И – прапорщик Крюков Александр Федорович. «Федра». Небольшого роста, худощав, по-офицерски подтянут. При сабле с темляком ордена Анны 4-й степени, с Георгиевским крестом на гимнастерке, затянутой солдатским ремнем. Узкое, не лишенное приятности лицо с мелкими чертами, офицерская фуражка чуть сдвинута на правое ухо, аккуратные усики.

Осталось досказать немного. Я вернулся в Москву с фотографиями и в тот же день отвез их Алексею Андреевичу Шугаеву. Он долго вглядывался в милое лицо юной Вареньки, не замечая слез. Потом сказал:

– Оля. Глаза не меняются, только морщинки растут вокруг. А этого, – он отодвинул фотографию Крюкова, – Федру этого заberi. Хоть и спас он ее, а все равно не достоин. Они ведь, как шмель с яблонькой: он жужжал, а она для другого цвела. – Алексей Андреевич помолчал, вздохнул. – Не пиши. Не обмани, пожалуйста. Помру, тогда как захочешь, дело твое.

Алексей Андреевич Шугаев скончался в июне этого, 1993 года, оставив мне письма и фотографию Вареньки Гвоздаревой. Я проводил его в последний путь, но урну с прахом мне не отдали, что, в общем, естественно для России. Стране невостребованных прахов и неприкаянных душ.

*Чтец закрывает книгу, ставит её на стенд.
Звучит «Революционный этюд» Шопена.*

Ведущий.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

А.С. Пушкин

Литература

1. Гончаров И.А. Обломов: роман в 4 ч. / И.А. Гончаров. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 608 с. – (Б-ка отечественной классики).
2. Мельник В. «Благословляю судьбу, что встретил её...» (Елизавета Толстая в жизни автора «Обломова») / В. Мельник, Т. Мельник // Волга. – 1996. – № 5-6. – С. 149-156.
3. Лощиц Ю.М. Гончаров: [биография] / Ю.М. Лощиц. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 393 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биограф; 1026 (826)).
4. Васильев Б.Л. Прах невестребованный. Роман в письмах и фактах / Б.Л. Васильев. Собрание сочинений в 8 т.: Т.2 – Смоленск, 1994. – С. 427 – 495.
5. Крысов В.В. Ашхабадское землетрясение / В.В. Крысов // География в школе. – 2000. – № 4. – С. 15-16.
6. Ярославль. План города начала XX века (по карте изд. Разроднова, 1911) и соответствующий ему фрагмент плана начала XXI века // Т.А. Рутман. Храмы и святыни Ярославля. – Ярославль, 2005. – [вкл.].
7. Ярославль: историко-топонимический справочник /под ред. А.Ю. Данилова, Н.С. Землянской. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2006. – С. 162,154.

Черновики судьбы, или Письма Незнакомки
переписка ярославских женщин в художественной литературе

автор-составитель С.Н. Левагина
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

тираж 50 экземпляров

отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека
им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147

